

Кэти Андрес

ПАПОЧКА ПО ОШИБКЕ

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрес К.**
Папочка по ошибке / Кэти Андрес – М.: Литнет, 2026. – 212 с.

ISBN 978-5-521-98985-0

План «Найти отца-хирурга» казался простым. Я, будущий врач, приехала в Москву с чётким алгоритмом действий. Но жизнь внесла коррективы: вместо родственной души — мужчина, от взгляда которого теряется пульс. Теперь мой главный диагноз: влюблённость. К человеку, которого ТАК любить нельзя. И как её лечить, в учебниках по хирургии не написано

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98985-0

© Литнет, 2026
© К. Андрес, 2026

Глава 1

Поезд «Сыктывкар – Москва», плацкарт, верхняя боковушка, 38-й час пути.

Я – Арина Светлова, 23 года, ординатор-хирург с дипломом, который ещё пахнет свежим клеем, и с мозгом, который явно нуждается в срочной трепанации.

Что вы вообще думаете о девушке, которая:

а) бросила маму одну в городе, где даже «Макдоналдс» считается культурным событием,

б) плюнула на спокойную ординатуру в родной больнице, где главврач до сих пор зовёт меня «Аришенька»,

в) собрала чемодан и поехала за триста вёрст искать папашу, который её в глаза не видел и, судя по всему, прекрасно без этого обходится уже двадцать три года?

Правильно.

Вы думаете: «Пиздец какая идиотка».

Я тоже так думаю.

Примерно раз в пять минут, когда поезд дёргается, и я чуть не падаю с полки головой в чей-то куриный окорочок.

Но потом я достаю из рюкзака то самое фото.

Выпуск 1998 года, 11 «А» класс, город Н., население 42 тысячи и одна корова.

Девять человек на весь выпуск. Трое пацанов.

Виктор Селезнёв – теперь автослесарь, фотка в ВК: «Жигули – это не машина, это образ жизни». Минус.

Павел Смирнов – проктолог, жена, двое детей, на аватарке он в свитере с оленями. Мама как-то обмолвилась: «Твой отец хотел быть хирургом.». Минус.

И третий.

Тимур Каверин.

Высокий, черноволосый, глаза – «убью и не спрошу фамилию».

Сейчас – заведующий отделением сосудистой хирургии в Москве, кандидат наук, член-корреспондент всего, чего только можно.

Сто процентов он.

Глаза у нас в обоих карие и волосы, почти черные. У мамы то глаза голубые и блондинка она у меня.

Спросите, почему не спросишь у матери кто твой отец?

А я спрашивала. С десяти лет спрашиваю. Сначала было, подрастешь узнаешь (классика), потом зачем тебе это, он бросил нас, и вот я все же со слезами выпытала у нее.

Он был ее одноклассником, любовь до гроба. Мечтали вместе уехать в Москву и учиться на хирурга.

Только вот мама забеременела, а он свалил сразу же после выпускного, обещая вернуться.

И вот двадцать три года возвращается.

Имени она конечно же не сказала, мне и этого было достаточно. По фотографии с выпускного, определила кто есть кто и проверила по соц. сетям.

Я, конечно, не собираюсь падать ему в ноги со словами «папочка, обними свою кровиночку».

Я вообще-то врач (будущий), а не героиня мексиканского сериала.

План простой:

1. Перевестись в его клинику (уже сделала, спасибо завучу, который пустил слезу над моей «трагической историей»).

2. Подойти, посмотреть в эти бесстыжие глаза и сказать: «Привет, я твоя дочь».

3. Посмотреть, как у него челюсть упадёт на пол.

4. Уйти красиво, хлопнув дверью.

5. Жить дальше с чувством выполненного долга и чистой кармой.

Звучит идеально.

Поезд опять дёргается.

Я чуть не роняю телефон на тётку снизу.

Та поднимает голову:

– Девушка, вы бы поспали, а то бледная какая-то.

– Это я от счастья, – говорю. – Скоро папу увижу.

Тётка крестит меня.

Я сама себя мысленно крещу.

Ещё шесть часов до Москвы.

Ещё шесть часов до того момента, когда я наконец пойму, кто я такая:

дочь, которая ищет отца, или просто очередная дура, которая влюбилась в фотографию восемнадцатилетнего парня с глазами убийцы.

Добро пожаловать в Москву.

Ну что, папочка твоя ошибка двадцатитрёхлетней давности приехала лично.

Глава 2

– Скальпель.

– Есть.

– Зажим.

– Есть.

– Тимур Рашидович, давление падает, 80 на 40.

– Адреналин в вену, готовьте второй контур. Я сказал: не терять мне здесь аорту, Селивёрстов, ты что, первый день оперируешь?

– Никак нет, Тимур Рашидович...

– Тогда держи глубже, мать твою. Ещё два миллиметра – и привет, паралич нижних конечностей.

Я чувствую, как пот стекает по виску под маской. Аневризма брюшной аорты, разрыв, пациент – мужик пятьдесят восемь лет, привезла «скорая» с давлением 60 на палку. В такие моменты я даже не думаю – просто делаю. Руки сами знают, где пройти, где зажать, где прошить. Двадцать минут назад мы ещё не были уверены, вытащим ли. Сейчас – уже почти да.

– Протез в руках?

– Да.

– Вводим.

Тишина в операционной такая, что слышно, как капли крови падают на пол.

– Зашиваем. Всё, ребят, он ваш. Реанимация, бегом.

Я отхожу от стола, стягиваю перчатки, бросаю их в контейнер. В голове – приятная пустота после адреналина. Хорошая операция. Пациент выживет. Можно идти пить кофе и ругаться с поставщиками по поводу новых стентов.

Выхожу в предоперационную, снимаю маску, мою руки до локтей.

Дверь за спиной открывается. Заходит главврач – Игорь Валентинович, вечный, как пирамиды.

– Тимур, есть минутка?

– Если про новый томограф – нет, я уже трижды писал служебку.

– Не про томограф. К тебе ординатор новый. С завтрашнего дня.

Я поворачиваюсь, вытираю руки полотенцем.

– У меня штат укомплектован. Три ординатора, два аспиранта, клинический ординатор из Питера на стажировке. Больше не потяну.

– Это не просьба, Тимур.

– А что тогда?

– За неё попросили. Сверху.

Я усмехаюсь. «Сверху» у нас может значить что угодно – от министерства до личного звонка какого-нибудь депутата с яхтой.

– Девочка умная, – продолжает Игорь Валентинович, – золотая медаль, красный диплом, публикации уже есть. Из глубинки, сама пробилась. Под твоим началом за два года выдающимся хирургом станет, я уверен.

Бросаю полотенце в корзину.

– Фамилия?

– Светлова. Арина Сергеевна.

Светлова.

Что-то царапает внутри. Очень знакомое.

– Ладно. Пусть приходит завтра к восьми. Посмотрим, что за вундеркинд. Только если через неделю она будет плакать в подсобке – ко мне с претензиями не ходить.

Игорь Валентинович улыбается своей фирменной улыбкой «я всё уже решил».

– Не будет она плакать.

Выхожу из операционного блока, сбрасывая бахилы в мусорку одним движением. Кофе. Срочно. Иначе начну разговаривать с аппаратами, как с людьми.

В ординаторской пусто, только старый чайник шипит, будто ему тоже всё надоело. Наливаю себе тройной эспрессо из турки, которую держу в личном шкафу. Пока пью, листаю протокол операции на планшете. Всё чисто. Пациент стабилен. Можно выдохнуть.

Дверь тихо щёлкает. Не оборачиваясь, знаю, кто это. Запах её духов всегда приходит раньше её самой.

Лера. Медицинская сестра-анестезист, официально. Неофициально – моя слабость последние полтора года. Тридцать два, разведена, сын учится в Англии, и она ненавидит, когда её называют «мамочкой». Особенно я.

Она подходит сзади, обнимает за талию, прижимается грудью к моей спине. Пальцы скользят под халат, прямо к ремню.

– Ты сегодня был особенно сексуален, Каверин, – шепчет мне в шею. – Когда ты орёшь на Селивёрстова, у меня трусы промокают моментально.

Усмехаюсь, ставлю чашку на стол, поворачиваюсь к ней.

– У тебя диагноз, Лер. Тебе лечиться надо.

– Лечи меня, доктор, – она тянется губами к моим, но я отстраняюсь на сантиметр. Люблю, когда она сначала по-настоящему хочет.

– Запри дверь.

Щелчок замка. Она возвращается, уже без халата – только тёмно-синий хирургический костюм, который облегает её так, будтошили по ней в ателье порноиндустрии. Я прижимаю её к стене рядом с раковиной, рукой поднимаю её подбородок.

– Быстро, – говорю. – У меня через двадцать минут обход.

– Как прикажет мой строгий начальник, – улыбается она, опускаясь на колени.

Пальцы Леры уже растёгивают молнию на моих брюках. Я закрываю глаза, запрокидываю голову. Горячий рот, умелый язык – она знает, как довести меня до точки за три минуты, если надо. Сегодня надо быстро.

– Тише, – шепчу, когда она слишком громко стонет (специаль-

но, стерва). – Хочешь, чтобы весь этаж знал, чем тут заведующий занимается после операций?

Она отрывается на секунду, смотрит снизу вверх, глаза блестят.

– А я хочу, чтобы знали. Пусть завидуют.

Я хватаю её за волосы, чуть сильнее, чем нужно, и она снова берёт меня в рот, глубже. Ещё минута – и я кончаю, глуша собственный стон в кулаке. Лера встаёт, вытирает губы тыльной стороной ладони, как кошка.

– Теперь я спокойная до вечера, – говорит. – Встретимся у меня? Сын уехал к отцу на выходные.

– Не получится, – я уже застёгиваюсь. – Новый ординатор завтра. Надо подготовить график, вводную лекцию, всё такое.

Она хмурится, скрещивает руки на груди.

– Опять какая-нибудь двадцатилетняя дура с папиными связями?

– Двадцать три, говорят, сама пробилась. Из Коми вроде.

– Светлова, да? Слышала уже. Красивая, фотку в личном деле видела. Такие глазки... Прям невинность в белом халате.

Я пожимаю плечами, наливаю себе ещё кофе.

– Посмотрим. Если через неделю не справится – отправлю обратно в тундру к оленям.

Лера подходит ближе, проводит ногтем по моей щеке.

– Трахать ее нельзя, Тим. А то мне придётся ей глаза выцарапать. Я ревнивая.

Смеюсь, целую её в висок.

– Лер, я трахаю только тех, кто уже умеет держать зажим Кохера без дрожи в руках. Новеньким только нервы мотать.

Она кивает, но в глазах всё равно остаётся тень. Знает, что я вру. Иногда.

Когда Лера уходит, я остаюсь один, допиваю остывший кофе и вдруг ловлю себя на том, что снова думаю о фамилии.

Светлова. Светлова...

Да где же я уже это слышал?

Открываю ноутбук, набираю в поисковике больницы: «Светлова Арина Сергеевна личное дело».

Фотография.

Девушка на фото смотрит прямо в объектив, будто уже знает, что я буду вот так, в три часа ночи, сидеть и разглядывать её лицо в тусклом свете монитора. Глаза большие, тёмно-карие, почти чёрные, с тяжёлым, очень взрослым взглядом. Волосы чёрные, прямые, собраны в небрежный хвост. Губы чуть приоткрыты, словно она только что хотела что-то сказать и передумала.

Красивая.

Чёрт, очень красивая.

Не в том смысле, в каком красивы модели из журналов, а в том, как бывает красиво остро отточенное лезвие: смотришь и уже заранее знаешь, что порежешься. Лицо узкое, скулы высокие, подбородок упрямый. И что-то в ней... до дрожи знакомое.

Светлова Арина Сергеевна.

23 года. Город Н..., тот самый, откуда я когда-то сбежал, как от чумы.

Совпадение?

Я открываю вкладку с её документами. Место рождения – город Н..., Республика Коми. Мать – Светлова Ольга Сергеевна, 1979 г. р.

Ольга.

Оля Светик?

Я откидываюсь на спинку кресла так резко, что оно скрипит.

Вечно смеющаяся Оля, которая на выпускном плакала у меня на плече и шептала: «Тим, не уезжай, пожалуйста». Я тогда уехал через три дня. Без звонков, без писем. Просто исчез. Потому что в кармане было три тысячи рублей и билет в один конец, а в голове – только одно: если останусь, сгнию там вместе со всеми.

Вот так сюрприз.